

Наталия
Семенова

о **Русь** Сага
УКИНЫХ
Собиратели шедевров

Москва
Слово/Slovo
2019

УДК 379.824:7.0
ББК 65.278+85.101
С30

Редакторы:
Мария Сокологорская
Елена Лаванан

Дизайн:
Оксана Лебедева-Скочко

ISBN 978-5-387-01553-3

© Семенова Н. Ю., текст, 2019
© La Collection Chtchoukine, 2019
© Слово/Slovo, издание, 2019

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	9

Коллекционеры братья Щукины

Глава 1. Дворец богатого купца	15
Глава 2. Господин, дремавший в ложе Большого театра	25
Глава 3. Библия Лютера	35
Глава 4. Призрак старшего брата Николая	43
Глава 5. Его превосходительство Петр Щукин	48
Глава 6. «Малый голландец»: Дмитрий Щукин	66
Глава 7. Иван Щукин. Портрет парижского денди	82

Сергей Щукин

Глава 8. Московский магнат	101
Глава 9. Незнакомец из Норд-Экспресса	115
Глава 10. Буря	127
Глава 11. «Радость жизни»	139
Глава 12. По следам Моисея	152
Глава 13. Sic transit gloria mundi	174
Глава 14. Дары волхвов	183
Глава 15. «Гармония в красном»	191
Глава 16. Две сиротки	200
Глава 17. Камо грядеши?	211
Глава 18. «Танец» и «Музыка»	221
Глава 19. Город, где кутят с вечера до утра	235
Глава 20. Под гипнозом Пикассо	245
Глава 21. Портрет китайского патриарха	264
Глава 22. Акрополь искусств	275
Глава 23. Изгнанники	288
Глава 24. Первый в мире музей современного искусства	300
Глава 25. Семейный портрет в интерьере	316
Примечания	328
Именной указатель	340

Благодарности

Мне выпало счастье познакомиться с Беверли Кин, первым биографом Сергея Щукина. Этому я обязана Хилари Сперлинг (Лондон), с которой нас сблизили наши герои, Анри Матисс и Сергей Щукин. Беседы и встречи с ней много значили для меня.

Благодарю моих друзей и коллег, оказавших неоценимую помощь в многолетней работе над биографией коллекционера советами и участием, в первую очередь искусствоведов Владимира Полякова и Ольгу Кабанову, Инну Агапьеву и историка фотографии Михаила Золотарева, бескорыстно делившегося со мной своими сокровищами, а также Таню Рахманову (Париж), которая сделала

прекрасную «экранизацию» биографии Сергея Щукина (*Le roman d'un collectionneur (Роман коллекционера)*, Arte, 2016), и Кристину Делок-Фурко, все эти годы принимавшую живое участие в воссоздании коллекции и ее виртуальной реконструкции.

Большое спасибо сотрудникам научных библиотек Государственной Третьяковской галереи и Пушкинского музея, а также сотрудникам архивов этих музеев. Особая благодарность преемнице Александры Демской Наталье Александровой, неизменно откликавшейся на все мои просьбы и помогавшей в поисках.

Не могу также не поблагодарить моих коллег: Наталью Горбушину, героем многолетних исследований которой был Петр Щукин, Ирину Арскую и Вадима Басса (Санкт-Петербург), Ирену Бужинску (Рига), Таню Чеботареву (Нью-Йорк), Елизавету Лихачеву и Сурию Садекову. Без их помощи мне бы не удалось обнаружить важные для истории нашего героя документы.

Русский вариант биографии не выглядел бы так совершенно, если бы Елена Лаванан (Париж) не потратила почти год жизни, переводя на русский то, что было написано и придумано для этой книги внуком Щукина Андре-Марком Делок-Фурко.

Тем, что я смогла посвятить столько лет изысканиям, связанным с историей судьбы и коллекции Сергея Щукина, я обязана своим родным и близким — моей сестре Лене Сигаревой, создавшей все условия для моей работы, и моему сыну Мите Раеву, которому из-за этой самой работы досталось чуть меньше материнского внимания, а также Любе и Ричарду Уоллес, все эти годы поддерживавших меня своей дружбой.

Я благодарна Фонду Сергея Щукина (Париж), при поддержке которого были осуществлены перевод и редакция этой книги, и команде издательства «Слово/Slovo», столь много сделавшей для выхода книги в свет.

Предисловие

*Александре Андреевне Демской,
Бeverли Уитни Кин*

С внуком Сергея Ивановича Щукина мы познакомились весной 1990 года. Андре-Марк появился в моей жизни, когда работа над первой биографией коллекционера была в самом разгаре. Мы писали ее вместе с Александрой Андреевной Демской, возглавлявшей отдел рукописей Пушкинского музея, в котором я, студентка искусствоведческого отделения исторического факультета МГУ, начала работать лаборантом в 1971 году. Мне не оставалось иного пути, как присоединиться к поискам моей наставницы, которая с начала 1960-х годов стала по крупицам воссоздавать картину жизни и собирательства величайшего коллекционера XX века.

Сначала Демская обнаружила альбом фотографий с интерьерами щукинского особняка. Затем, благодаря московским старожилам, разыскала племянницу коллекционера, бережно хранившую открытки, письма и фотографии, которые Сергей Щукин посылал ее матери — своей любимой сестре Надежде Мясново. Через справочное бюро Демской удалось раздобыть адрес Григория Гордона, жившего с родителями в 1920-х годах в бывшем щукинском особняке. Из рук сына университетского товарища Ивана Щукина (старшего сына коллекционера) она получила ценную реликвию — Синайский дневник Щукина. До конца дней Александра Андреевна искала ключ к разгадке тайны поразительной интуиции Сергея Щукина. На то, чтобы сделать первый набросок истории щукинского собирательства, ушло более 30 лет.

Тем временем в Америке Беверли Уитни Кин тоже не давала покоя «загадка Щукина». Будучи почти ровесницей Александры Демской, она не была специалистом архивного дела и не знала русского языка. Беверли начала карьеру в Голливуде, потом вышла замуж за состоятельного ньюйоркца, играла на бирже, а в 1959 году, после развода, отважно отправилась в турпоездку в СССР, где совершенно не ожидала увидеть работы Моне, Ренуара, Гогена, Сезанна, Матисса и Пикассо — причем превосходящие по качеству имеющихся в американских собраниях. Увы, происхождение картин москвичи и ленинградцы хранили в тайне, и никто не отважился рассказать американке о тех, кто привез все это богатство в Россию на заре XX века.

Ответы на свои вопросы Кин получила от американского историка искусства Альфреда Барра, первого директора нью-йоркского Музея современного искусства (МоМА). Именно Барр назвал ей две русских фамилии: Щукин и Морозов. Он же познакомил пылкую исследовательницу с наследниками Анри Матисса (Кин взяла интервью у дочери и сына художника), легендарным маршаном Даниэлем-Анри Канвейлером и другими участниками

раскрывавшейся на ее глазах невероятной истории. Окончательно подпав под обаяние личности Сергея Щукина, Беверли не только сумела разыскать внука коллекционера Руперта Келлера и его младшую дочь Ирину Сергеевну (мать Андре-Марка), живших во Франции, но за год до трагической гибели старшего сына Щукина Ивана Сергеевича успела встретиться с ним в Бейруте. В 1983 году Кин выпустила очень искреннюю и эмоциональную книгу *All the empty palaces (Опустевшие дворцы)*, посвященную русским коллекционерам.

Пять лет спустя Александра Андреевна Демская вручила мне два ящика, в которых были сотни карточек с собранными ею сведениями о русских коллекционерах. В 1993 году на свет появилась наша небольшая, 160-страничная книга *У Щукина, на Знаменке...* Через год Александры Андреевны не стало. Свою книгу *Жизнь и коллекция Сергея Щукина*, которая вышла в 2002 году, я посвятила ей.

За это время в России выросла новая генерация коллекционеров. Знакомство с ними помогло по-новому взглянуть на личность их великого предшественника, который из мифической фигуры постепенно превратился во вполне реального, обуреваемого комплексами и страстями человека. В 2010 году в серии «Жизнь замечательных людей» в свет вышла моя книга *Московские коллекционеры. Три судьбы, три истории увлечений*. Первая новелла была посвящена Сергею Щукину.

Я соперничала личным трагедиям моего героя, сопровождала его в походе по Синайской пустыне, посещала вместе с ним парижские Салоны, заходила в галереи парижских маршанов, плыла на пароходе в Индию, брела по античным развалинам Греции. И все это — не покидая Москвы, разбирая фотографии и письма брату Петру, перебирая открытки сестре, вчитываясь в выцветшие страницы Синайского дневника и в письма Анри Матиссу — единственное, что осталось от живой речи самого Сергея Щукина. Еще были газеты, мемуары, каталоги, работа в архивах

и поездки в Париж, где коллекционер провел последние 16 лет своей жизни.

Прочитав первую из щукинских биографий, Андре-Марк Делок-Фурко осознал, что его дед был одним из величайших собирателей своего времени. Его детство прошло в большой парижской квартире, где уклад, разговоры и образ жизни ничуть не изменились с щукинских времен. Бабушка Надежда Афанасьевна говорила с внуком по-русски, мама давала читать русские детские книжки. Яркие детские воспоминания помогли ему «переложить» на французский все, что я успела написать о Щукине за годы нашей с ним дружбы.

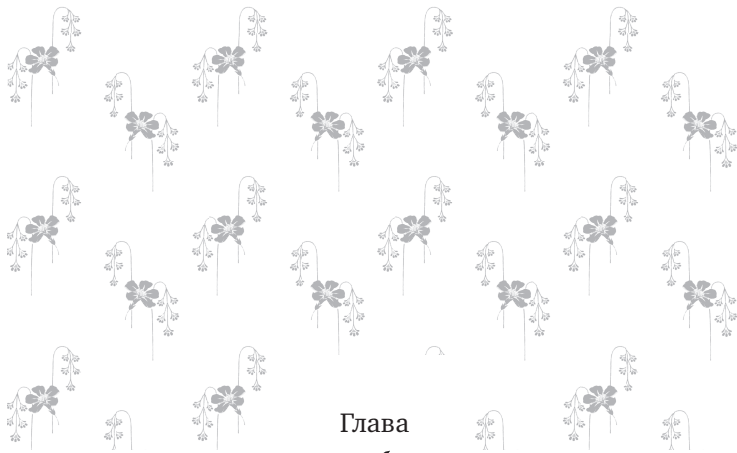
В 2016 году вышло французское жизнеописание Сергея Щукина (*Chtchoukine. Le patron de l'art moderne*), а в 2018 году и английское (*The Collector. The story of Sergei Shchukin*). Французская биография получилась, наверное, самой захватывающей, благодаря явно выраженному французскому акценту, который привнес в нее французский внук русского купца. Это позволило увидеть живой образ Сергея Щукина.

Французский вариант, который мой «названный брат» Андре-Марк оживил вымышленными диалогами, отличается от русского, основанного исключительно на достоверно известных фактах биографии великого коллекционера. Однако в книге, которую вы держите в руках, сохранена не только придуманная им драматургия, но и разбивка глав, названия которых отсылают читателя к известным литературным произведениям. Никто кроме него не мог столь проникновенно описать последние часы жизни Сергея Ивановича, свидетелем которых он не был, но которые живо представлял. Ведь он провел все детство в стенах квартиры на рю Вильем, в доме, который теперь украшает мемориальная доска с такой надписью: «Сергей Щукин, русский коллекционер и меценат, создавший в Москве первый музей современного искусства, жил в этом доме с 1926 по 10 января 1936 года».

Коллекционеры
братья Щукины

Глава

1

Дворец богатого купца

О нарядном, уютном двухэтажном особняке, стоявшем среди сада с высокими столетними деревьями, писали и говорили немало. «Только в Москве можно было встретить такие чудеса, такую тихую деревенскую усадьбу в самом центре огромного и шумного города»¹, — вспоминал Александр Бенуа свой первый визит в жукинский особняк.

«Все комнаты имели сводчатые потолки — цилиндром или шатром. В самом центре бокового фасада было венецианское окно метра два с лишним шириной с поразительной ширины подоконником — когда я, лежа на нем, выглядывал из окна, то толщина стены

составляла расстояние от моего подбородка почти до ступней ног, то есть примерно метра полтора», — рассказывал Григорий Гордон, ребенком живший во дворце после революции².

Ходили легенды, что после пожара 1812 года, во время которого особняк уцелел благодаря окружавшему его большому саду, старый деревянный дом ломать не стали, а обнесли его каменным колпаком — отсюда и непомерная толщина стен. На самом деле деревянным он никогда не был. В 1740-х годах, в начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, появились каменные палаты со сводами и в первом, и во втором этажах. В конце XVIII века рядом возвели флигель, который позже объединили с главным домом. При новом хозяине — обер-прокуроре Святейшего синода князе Василии Алексеевиче Хованском — дом перестроили, а главный фасад оформили в классическом стиле.

В 1808 году особняк перешел во владение князей Трубецких. После пожара 1812 года «дворец Трубецких», как его называли в Москве, снова пришлось перестраивать. На этот раз подправили фасад, теперь уже в стиле позднего ампира: тогда-то на фронтоне появился герб новых владельцев усадьбы, при которых особняк и приобрел изысканное внутреннее убранство. Сводчатые парадные залы второго этажа украсили росписями и пышной лепниной, а один из залов (тот самый, где Сергей Щукин позже повесит Матисса) — росписными изображениями герба князей Трубецких с алой княжеской мантией.

Самым знаменитым владельцем дворца был председатель Опекунского совета Николай Иванович Трубецкой, прозванный за маленький рост, громкий голос и чересчур резкие манеры желтым карликом. В 1874 году престарелый князь скончался, и дом выкупила вдова его младшего брата. Основательница российского Красного Креста, фрейлина Ее Величества Царицы Александры

Федоровны, княгиня Надежда Борисовна считала своим долгом сохранить фамильное владение, где бывал сам Пушкин (с которым князь находился в дальнем родстве). Увы, очень скоро особняк пришлось выставить на продажу: сын княгини умудрился промотать в Английском клубе не только свое состояние, но и приданое жены. Так в 1882 году недвижимость в центре Москвы, да еще с гектаром земли, досталась купцу первой гильдии Ивану Васильевичу Щукину за 160 тысяч золотых рублей*, правда, с обременением — обязательством выделить княгине небольшую квартиру во флигеле, причем пожизненно.

* Стоимость 1 золотого рубля в 1900 г. составляла 2,6 золотых французских франков и равнялась нынешним 10 евро (один золотой франк 1900–1910 гг. равен 3,6 евро).

Аристократическое сообщество восприняло продажу дворца Трубецких как знак тотального наступления торговых людей. Борис Николаевич Чичерин, летописец исчезающей дворянской России, горько пошутил, что в момент подписания этой сделки кости князя Трубецкого должны были содрогнуться в могиле. Федор Шаляпин оказался прав: победившее «бедность и безвестность, буйную разногласицу чиновничьих мундиров и надутое чванство дешевого, сюсюкающего и картавящего аристократизма, купечество становилось хозяевами страны»³. Присутствие на первом этаже дворца величественной княгини Надежды Борисовны свидетельствовало о былой славе дряхлеющего дворянства. Остаток жизни верная хранительница традиций уходящей эпохи провела в родовом поместье, которое не сумела сохранить.

Иван Васильевич о фрустрациях разоряющегося дворянства не подозревал; он выгодно сдал дом внаем, а когда в 1884 году у третьего сына Сергея и его красавицы-жены Лидии родился сын, названный к тому же в его честь Иваном, подарил особняк молодым. Гордая жиличка-княгиня досталась им в качестве бесплатного приложения к старинному дому, который через 15 лет распахнет двери для новой и необычной живописи.